

ТОМАС ВАГНЕР НЕИСТОВЫЙ МОДЕРН

ВЕЛИКАЯ ЭПОХА
СОЦИОЛОГИИ
1949-1969

Томас Вагнер

**Неистовый модерн. Великая
эпоха социологии. 1949–1969**

«Ад Маргинем Пресс»

2025

УДК 94:316
ББК 60.51(4Гем)

Вагнер Т.

Неистовый модерн. Великая эпоха социологии. 1949–1969 /
Т. Вагнер — «Ад Маргинем Пресс», 2025

ISBN 978-5-908105-06-4

Книга Томаса Вагнера рассказывает историю послевоенной немецкой социологии через судьбы людей, определивших интеллектуальный ландшафт Европы второй половины XX века. В центре этого рассказа — спор Теодора Адорно и Арнольда Гелена, в котором сталкиваются разные представления о человеке, обществе и свободе после катастрофы национал-социализма. Постепенно вокруг него возникает широкая панорама немецкой интеллектуальной жизни: возвращение философов из эмиграции, университетские реформы, радиодискуссии, газетные полемике, студенческое движение и превращение социологии в ведущую гуманитарную науку Федеративной Республики. Соединяя историю идей с политической и культурной историей Германии, Вагнер показывает, каким образом философские концепции становятся частью общественной жизни и продолжают определять язык современных дискуссий.

УДК 94:316
ББК 60.51(4Гем)

ISBN 978-5-908105-06-4

© Вагнер Т., 2025
© Ад Маргинем Пресс, 2025

Содержание

Приключения модерна	6
1. Пролог. Взгляд за железный занавес	14
2. Университетский дух на правых позициях	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Томас Вагнер
Неистовый модерн
Великая эпоха социологии. 1949-1969

© 2025 Klett-Cotta – J. G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger GmbH, Stuttgart

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2026

Переводчик Марина Васильева

Приключения модерна

Предисловие научного редактора

Книга Томаса Вагнера «Неистовый модерн. Великая эпоха социологии. 1949–1969» посвящена одному из самых драматичных и плодотворных периодов в истории немецкой социальной мысли. Драматичность периода передает уже первая часть заглавия, которую можно перевести и как «Авантюра модерна», «Афера модерна» или «Приключение модерна»¹. Однако именно неистовость событий прошлого, настоящего и, как может показаться при чтении, будущего вместе с накалом интеллектуальной дискуссии находятся в фокусе Вагнера.

Автор создает не сухой академический текст, а живое, увлекательное повествование, почти детектив, прослеживающее интеллектуальные и личные перипетии главных действующих лиц: Теодора В. Адорно, Арнольда Гелена, Хельмута Шельски, Юргена Хабермаса, а так же менее известных широкой публике, но крайне важных фигур, таких как, например, восточногерманский философ Вольфганг Харих. Вагнер не ограничивается дуэлью гигантов Адорно и Гелена, а вводит в повествование фигуру отца-основателя² послевоенной немецкой социологии – Рене Кёнига, который выступает своего рода арбитром интеллектуального диспута. Анализ позиции Кёнига и его размышлений, направленных как против спекулятивного характера «критической теории» Адорно, так и против антропологического консерватизма Гелена и Шельски, раскрывает сложность рассматриваемой эпохи социологии.

Перед читателем разворачивается панорама послевоенной Западной Германии: от руин и «часа ноль»³ до экономического чуда и студенческих волнений конца 1960-х годов. Это было время, когда Германия, только что пережившая тотальный крах национал-социалистической диктатуры, пыталась заново осмыслить себя, свои травмы и свое будущее. Социология оказалась в эпицентре этих процессов. Она стала не просто академической дисциплиной, а ареной, на которой столкнулись фундаментальные вопросы о природе человека, границах свободы, значении институтов и, конечно, о том, как справиться с грузом прошлого, которое никак не хотело оставаться в прошлом. После 1945 года Германия лежала в руинах. Концентрационные лагеря стали достоянием общественности, и на немецкий народ легла историческая ответственность за преступления, не имеющие аналогов в истории. В такой ситуации возник соблазн объявить о «часе ноль», тотальном разрыве с прошлым, начале совершенно новой истории. Однако, как убедительно показывают и Вагнер, и многие исследователи этого периода, «час ноль» был скорее мифом, необходимым для реабилитации, чем реальностью.

Политический раскол, закрепленный образованием ФРГ и ГДР в 1949 году, усугубил ситуацию. В Восточной Германии под патронажем Советского Союза утверждался «антифашистский миф основания» (*Gründungsmythos des Antifaschismus*), согласно которому ГДР, унаследовавшая традиции антифашистского Сопротивления, разорвала всякую преемственность с Третьим рейхом. В Западной Германии, напротив, доминировала другая стратегия: «Оставить прошлое в прошлом» (*Vergangenenes vergangen sein lassen*), как призывал первый канцлер

¹ В оригинале книги «*Abenteuer der Moderne. Die großen Jahre der Soziologie 1949–1969*» (нем.). *Abenteuer* переводится как приключение, авантюра, афера и даже как любовное похождение. Вариантами названия могли бы быть «Похождение (авантюра, афера, приключение) модерна. Великие годы социологии: 1949–1969». – *Здесь и далее в Предисловии примеч. Дмитрия Катаева.*

² Карстен Клингеман называет Рене Кёнига «одним из самых известных возвратившихся из эмиграции социологов и одним из виднейших основателей западногерманской социологии». См.: *Klingemann K. Heimatssoziologie oder Ordnungsinstrument? // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1981. Sonderheft 23. S. 273.*

³ «Час ноль» (*Stunde Null*) – метафорическое выражение, которое использовали немцы для описания ситуации в Германии сразу после поражения во Второй мировой войне. См. подробнее и критически: *Sabrow M. Die «Stunde Null» als Zeiterfahrung // APuZ. 2020. 4–5, 27. S. 31–38.*

ФРГ Конрад Аденауэр, «в твердом убеждении, что многие уже субъективно искупили свою незначительную вину»⁴.

Эта установка имела вполне конкретные и тревожные последствия. Денацификация, проводимая западными союзниками, быстро выдохлась и к началу 1950-х годов превратилась в фарс⁵. Вместо «перевоспитания» (reeducation) и наказания преступников началась их интеграция в новое государство. Символом этого процесса стало ироничное и разговорное слово «персильшайн» (Persilschein)⁶ для официального «Свидетельства о невиновности» (Entlastungszeugnis) – документа о прохождении проверки и подтверждении невиновности, удостоверяющего личность гражданина Германии с безупречным, незапятнанным прошлым. Такое свидетельство получали бывшие нацисты, чтобы занять должности в судах, министерствах, университетах и даже в канцелярии Конрада Аденауэра. Преемственность кадров стала мрачной реальностью Боннской республики. Известный немецкий политолог Курт Зоннтаймер с горечью констатировал «продолжение узнаваемого национал-социалистического духа в послевоенном государственном устройстве Германии»⁷. В ФРГ, таким образом, доминировала стратегия «подведения черты» (Schlussstrich), которая включала амнистию и интеграцию бывших функционеров НСДАП в демократические институты.

В свою очередь, в ГДР утвердился «антифашистский миф основания» как другая форма ухода от вины через ритуальный антифашизм. Восточная Германия провозгласила себя полностью свободной от наследия Третьего рейха, а большинство немцев объявлялись жертвами нацизма или героями Сопротивления. Отмечая однозначное отмежевание – под превентивным лозунгом «Никогда больше» (Nie wieder) – от национал-социалистического режима в год образования немецких государств, исследователи пишут о «двойном преодолении прошлого» (doppelte Vergangenheitsbewältigung) и даже о «разделенном воспоминании» (geteilte Erinnerung) и «двойной послевоенной истории» (Doppelte Nachkriegsgeschichte). Оба государства использовали «час ноль» для собственной легитимации, но ни одно из них не провело последовательной работы с виной.

Именно в эту двойственную реальность формального демократического обновления и реальной кадровой и мировоззренческой преемственности пришла социология. Вагнер показывает, как эти различия влияли на интеллектуальную жизнь. Вместо «чистого листа» и «подведения черты» происходила кадровая преемственность; вместо разрыва с прошлым он фиксирует его замалчивание и инструментальное использование. Из восьми первых кафедр социологии только три были отданы вернувшимся эмигрантам или антифашистам (Хоркхаймер, Кёниг, Штаммер). Остальные пять заняли ученые (Гелен, Шельски, Герхард Макенрот, граф Макс цу Зольмс и Вернер Цигенфус), из которых, по замечанию автора, «первые трое, по крайней мере в тот или иной период, были убежденными нацистами»⁸. Вагнер детально описывает, как в этой ситуации работал механизм «коммуникативного замалчивания» (термин Германа Люббе) – негласного соглашения не обсуждать нацистское прошлое друг друга ради достижения общих институциональных целей. Кроме того, появление общего врага в лице Советского Союза создало мощный антикоммунистический консенсус, позволявший бывшим нацистам и левым эмигрантам, разочарованным в сталинизме, легко находить общий язык.

⁴ Adenauer K. Regierungserklärung 20.9.1949//Verhandlungen des Deutschen Bundestags. Stenographische Berichte. 1WP, 5. Sitzung, 20.9.1949. S. 22–30. S. 27.

⁵ Fording H. P. Gnädige Flurbereinigung. NS-Täter. Vor 70 Jahren begannen Bundestag und Bundesregierung mit einer Serie von Amnestie-Gesetzen // Parlament. 2019. № 52-1-23. S. 9.

⁶ От названия стирального порошка «Персия» («Persil») и слова «свидетельство» (Schein). Оценочная номинация, которая имела денотативное значение документа, буквально «отстирывающего» прошлое и подтверждающего «чистоту» человека перед законом. Это был документ с биографией, как бы намеренно «отстиранной» с применением популярного в Германии стирального порошка „Персил“ („Persil“), подтверждающий «чистое прошлое» их владельцев (Duden, 1996. S. 1136).

⁷ Sontheimer K. Die Adenauer-Ära.. Grundlegung der Bundesrepublik. München: Dtv, 1996. S. 177.

⁸ Цит. наст. изд. С. 51.

Для анализа этой неистовой коллизии в книге предлагается обратиться к рамке, сформулированной Ю. Н. Давыдовым⁹ и включающей противопоставление «стабилизационного» и «кризисного» сознания. Социология 1949–1969 годов стала сценой, где этот конфликт разыгрывался в чистом виде между Геленом и Адорно, а Кёниг пытался занять позицию рационального третейского судьи. Однако особенность подхода Вагнера заключается в том, что он не изображает эти два типа герметичными лагерями, а показывает их парадоксальное переплетение и иногда взаимопроникновение в публичных диспутах, кулуарных соглашениях и судьбах людей. Стабилизационное сознание, описанное Арнольдом Геленом, исходит из антропологической предпосылки, что человек — «недостаточное существо», не обусловленное инстинктами, опасное в своей пластичности и избытке влечений. Его могут спасти только сильные институты — такие как государство, семья, армия, бюрократия, — которые снимают нагрузку (*Entlastung*) и направляют поведение в безопасное русло. Критика институтов, по Гелену, ведет к хаосу. Социология при таком взгляде становится «административной вспомогательной наукой», поставляющей данные для управления и стабилизации.

Кризисное сознание, которое в книге Вагнер связывает прежде всего с фигурами интеллектуалов Теодора Адорно и Макса Хоркхаймера, видящих в модерне «управляемый мир», где отчуждение достигло предела, а инструментальный разум превратился в новую форму господства, предполагает критическое переосмысление социальных структур. Институты в такой парадигме не спасают, а угнетают. Критика — это не разрушение ради разрушения, а единственный способ сохранить возможность освобожденного состояния. Прошлое не подлежит забвению, «преодоление прошлого» возможно только через критическую рефлексия, которая представляет собой моральный и политический императив. Социология, таким образом, обязана быть критической теорией, даже если не может предложить готового рецепта «правильной жизни»¹⁰.

Самая сильная сторона Томаса Вагнера в том, что он отказался от упрощенного нарратива «дуэли гигантов», где два идеологических лагеря ведут непримиримую борьбу. Вместо этого он показывает запутанную, противоречивую и полную неожиданных альянсов историю становления западногерманской социологии. Причем переплетение «стабилизационного» и «кризисного» сознания у Вагнера проявляется на нескольких уровнях.

Самый яркий пример такого переплетения — отношения Адорно и Гелена. В 1958 году Адорно сделал набросок уничтожающего отзыва на назначение Гелена в Гейдельберг. Однако всего через несколько лет началась их интенсивная переписка, обмен книгами, совместные ужины и знаменитые радио- и теледебаты. Их сблизил поставленный обоими диагноз современному «управляемому миру», где человек низведен до «придатка машин». Различия касались не диагноза, а решений: Гелен призывал сохранять институты, Адорно — освобождать от них человека. Интеллектуальное уважение оказалось сильнее политической вражды, а такие бытовые детали, как приветы от жен и совместные прогулки, придавали их общению человеческое измерение, не отменяя глубины разрыва.

Еще более драматичными и противоречивыми представлены отношения Гелена с восточногерманским философом-марксистом и антифашистом Вольфгангом Харихом, который стал восторженным почитателем Гелена, своего «классового врага» и выразителя стабилизационного сознания правого толка, но спустя десятилетие после его смерти обличил его в плагиате основных идей у еврейского врача Пауля Альсберга. Харих изначально видел в геленовской антропологии недостающее звено для обновления марксистской теории, так же их сближала позитивистская оптика и определенные симпатии к политике Сталина. Более того, теория

⁹ Давыдов Ю. Н. Введение // Очерки по истории теоретической социологии XX столетия (от М. Вебера к Ю. Хабермасу, от Г. Зиммеля к постмодернизму) / Ю. Н. Давыдов, А. Б. Гофман, А. Д. Ковалев и др. М.: Наука, 1994. С. 4–15.

¹⁰ «.. в неправильной жизни не может быть и жизни правильной», см.: Адорно Т. Проблемы философии морали. М.: Республика, 2000. С. 5.

Гелена о человеке как культурном существе обнаруживает сродство с брехтовским тезисом о том, что «судьба человека – быть человеком»¹¹. Здесь становится ясным, почему в диспуте Гелен vs. Адорно восточногерманский марксист принимает сторону не своего, казалось бы, идеологического и теоретического союзника Адорно, а консервативного мыслителя Гелена. Харих критикует теорию Адорно за абстрактный и утопический характер и призыв к освобождению индивидов от институциональности. Вагнер убедительно показывает, что в условиях разделенной Германии границы между стабилизационным и кризисным сознанием становились подвижными, а интеллектуальный ландшафт эпохи оказывался сложнее простых бинарных оппозиций «Восток – Запад», «левый – правый» и пр.

В интеллектуальной драме для Вагнера особенно значимой становится упомянутая фигура Рене Кёнига, долгое время остававшегося в тени публичной дуэли. Его позиция критически важна для понимания «великой эпохи»: Кёниг предстает рационально-критическим реформатором, отвергавшим оба полюса. Он не принимал технократический вариант стабилизационного сознания, превращавшего социологию в инструмент власти¹², своего рода социальную статистику, которая обеспечивает власть надежными данными и подкрепляет институциональные структуры. Но он так же не разделял абстрактного негативизма кризисного сознания критической школы, пренебрегавшего эмпирической реальностью. Да и «к самому *понятию критики* [выделено Кёнигом] следует очень внимательно присмотреться»¹³, как он сам пишет в эссе о роли социально-научной интеллигенции. Для Кёнига социология – строгая эмпирическая наука, призванная служить демократии и выполнять функцию «критической совести» нации. Он требовал от интеллигенции самодисциплины и отказа от идеологических спекуляций. Кёниг в равной степени критиковал Гелена за его нацистское прошлое и апологию власти, а так же Адорно за опасные для новой демократии дискуссии с человеком, чьи взгляды были ей враждебны. Именно Кёниг резко осудил сближение Адорно и Гелена, высказавшись против революционного консерватизма и пессимистической критики культуры. Вагнер показывает, что Кёниг пытался удержать социологию в рамках рационального и ответственного дискурса. В отличие от харизматичных, но полярных интеллектуалов из Франкфурта и Мюнстера, Кёниг выступил в роли системообразующего центра, чье влияние основывалось не на эпатаже, а на фундаментальной институциональной работе.

Кёниг стал самой бескомпромиссной фигурой в вопросе отделения новой социологии от нацистского наследия. Его роль в «великую эпоху» заключается не столько в создании ярких теорий, сколько в строительстве «чистого», самодостаточного профессионального цеха. Он видел в Адорно идейного противника, а в Гелене – морального изгоя, и его главный вклад в победу либеральной демократии был институциональным. В качестве руководителя научно-исследовательского института в Кёльне и главного редактора ведущего немецкого социологического издания *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie* он создал ту самую «аппаратную», профессиональную социологию¹⁴, которая, вооружившись эмпирическими методами, пережила интеллектуальные бури 1960-х годов и смогла занять прочное место в обществе. Издание четырнадцатитомного «Руководства по эмпирическому социаль-

¹¹ Цит. наст. изд. С. 154.

¹² В книге, например, приводится цитата из разгромного отзыва Макса Хоркхаймера по отношению к Гелену: «...на место высшей ценности заступает фанатичное оправдание власти ради самой плохой власти» (цит. наст. изд. С. 79). См.: Entwurf Max Horkheimer/T. W. Adorno, M. Horkheimer: Briefwechsel. Band IV, 1950–1969. S. 927. С этой цитатой вполне мог бы согласиться и Рене Кёниг, особенно в рассуждениях о задачах социологов и роли интеллигенции.

¹³ *König R. Aufgaben des Soziologen und die Perspektiven der Soziologie: Schriften zur Entwicklung der Soziologie nach 1945/ M. Klein (Hg.). Wiesbaden: Springer VS, 2014. S. 56.*

¹⁴ Впоследствии ее назовут «Кёльской школой». См. подробнее: *Moebius S. Rene König und die «Kölner Schule»: Eine soziologiegeschichtliche Annäherung. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden, 2015.*

ному исследованию»¹⁵ до сих пор определяет стандарты и научный язык профессии социолога в Германии.

Итак, в «великую эпоху» социология имела три основных центра: Франкфурт (критическая теория Адорно и Хоркхаймера), Мюнстер (технократический консерватизм Шельски, ученика и последователя Гелена) и Кёльн (эмпирическая социология Кёнига). При этом для Кёнига научные разногласия были неотделимы от политической и моральной оценки прошлого. Он позиционировал себя как бескомпромиссного борца с попытками реставрации нацистского представительства в науке. Его отношение к Арнольду Гелену было резко отрицательным. Кёниг не только не принимал антропологические теории Гелена, но и активно препятствовал его карьерному росту и даже лекционным занятиям, когда просил студентов, как пишет Вагнер, «разложить на стульях записки, в которых слушателей предупреждали о выступлениях старого нациста»¹⁶. Своего противника он называл «трусливым приспособленцем», а его труды – «научным фасадом», за которым скрывается старая нацистская идеология. По мнению Кёнига, Гелен, опубликовавший в 1940-м свой главный труд «Человек», в годы после краха нацизма не только не подверг свои взгляды ревизии, но и продолжал транслировать в ФРГ те же авторитарные идеи. Это делало их диалог невозможным. С Адорно и Хоркхаймером ситуация была сложнее. Формально они все были эмигрантами и противниками нацизма, что делало их естественными союзниками. Однако по ключевому вопросу о природе социологии Кёниг расходился с франкфуртцами так же сильно, как и с консерваторами. Он категорически настаивал на том, что «социология вообще возможна только как эмпирическая социология, то есть как социальное исследование»¹⁷. Критическая теория Адорно казалась ему умозрительной и «революционно-консервативной», неспособной дать науке надежного, проверяемого знания.

При этом одним из ключевых вопросов этого этапа социологии было преодоление нацистского прошлого. Кёниг здесь занял особую позицию, которую можно охарактеризовать как стабилизационное сознание через дистанцирование. В отличие от Адорно с его идеей «проработки прошлого» через тотальную критику «коллективной амнезии» и в отличие от Гелена, который эту критику отвергал, Кёниг сделал ставку на профессиональную чистоту дисциплины. Он считал, что будущее социологии за объективными, эмпирическими данными. Этот подход идеологически нейтрализовывал дисциплину, что позволяло ей развиваться и получать госзаказы, причем Кёниг использовал институциональные рычаги, чтобы не пускать в нее тех, чье прошлое казалось ему запятанным. Эта позиция проявилась и в конфликте с Хельмутом Шельски, которого Кёниг обвинил в моральном падении, узнав, что он публично защищает Гелена, своего друга и коллегу. Кёниг считал, что личная дружба не может быть оправданием для научного сотрудничества с «закоренелым нацистом». Он видел в этом не просто личный выбор, а симптом «воистину вызывающего ужас процесса опошления»¹⁸, при котором в интеллектуальной среде стираются границы между жертвами и палачами.

Парадоксальные и неистовые приключения модерна достигают кульминации в 1968–1969 годах. Завершение «великой эпохи» ознаменовалось не естественным уходом ведущих фигур из науки, а временем, когда дисциплина, претендовавшая на статус центральной рефлексивной инстанции общества, распалась на противоборствующие лагеря и ее ключевые представители оказались интеллектуально изолированными. Символическим рубежом стало изгнание Адорно из университетской аудитории, его смерть, а так же маргинализация Гелена, – всё это совпало с политическими изменениями и творческими кризисами.

¹⁵ Handbuch der empirischen Sozialforschung: in 14 Bänden /hg. von R. König. 2., völlig neubearb. Aufl. Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag; München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1973–1979.

¹⁶ Цит. наст. изд. С. 140.

¹⁷ König R. (Hg.). Handbuch der empirischen Sozialforschung. Bd. 1. Stuttgart: Enke, 1962/1967. S. 9.

¹⁸ Цит. наст. изд. С. 140.

Сближение кризисного сознания критической теории и стабилизационной антропологии социальных институтов не привело к синтезу; напротив, оно обнажило радикальную несовместимость этих модусов. Адорно, вдохновлявший студентов критикой капитализма, отчуждения и господства, подвергся унижительному давлению со стороны собственной аудитории. Гелен же интерпретировал протестные движения как эмпирическое подтверждение собственной антропологии хаоса. В работе «Мораль и гипермораль» (1969) он возложил на левых интеллектуалов ответственность за деструктивные последствия критики институтов, усматривая в ней провоцирование агрессии. Это привело к разрыву с его учеником Хельмутом Шельски, который упрекнул Гелена в «нищезанимстве сверхсилы»¹⁹ и в неспособности извлечь уроки из национал-социалистического прошлого. Гелен удалился в интеллектуальную изоляцию, обозначив себя «комментатором разрухи»²⁰. Его методологический тупик выразился в перформативном противоречии, – требуя отказа от критики, он сам непрерывно ее практиковал. Спустя годы после его смерти многолетний почитатель Гелена Вольфганг Харих из ГДР так же отвернулся от него, обнаружив факт неотреферированного заимствования идей врача-еврея Пауля Альсберга.

Драматизм ситуации, реконструируемой Вагнером, заключался в том, что ни геленовская стабилизация, ни адорновская критика не обеспечили успешного преодоления прошлого. Сближение и последующий разрыв двух мыслителей символизируют более сложный тупик западногерманского общества, не достигшего синтеза порядка и ответственности. Единственной сферой, где сохранялась возможность диалога, было искусство. Оно служило пространством пересечения социологических и политических дилемм, привилегированной средой для рефлексии об общественных изменениях. Гелен и Адорно сходились в том, что авангардные практики отражают структуру индустриальной цивилизации и предлагают момент освобождения. Асимметричный треугольник Гелена, Адорно и Бенна, дополненный эпизодическим включением Брехта при посредничестве Хариха, показывает, как искусство, устраняя идеологические и методологические барьеры, в «великую эпоху социологии» превращалось в поле, где разворачивалась борьба за право определять границы человеческого.

Книга Вагнера ставит вопросы, и глубина вопросов оказывается важнее ответов. Ключевыми остаются проблемы забвения и/или преодоления прошлого, рефлексивности кризисного и стабилизационного сознания, а так же вопрос, насколько «антагонистически взаимозависимы» (в классификации Майкла Буравого) публичная, профессиональная (академическая), критическая и прикладная (заказная) социологии. Наконец, значим вопрос о роли искусства как пространства, где идеологические, теоретические и методологические барьеры временно устраняются, но затем воспроизводятся с новой силой.

Спустя полвека эти вопросы не только не утратили значения, но и реактуализировались в новом методологическом споре, который наглядно демонстрирует непреходящую актуальность дихотомии «Гелен – Адорно». Сегодня эта линия воспроизводится в противостоянии аналитико-эмпирической социологии Хартмута Эссера и «новой критической теории» Хартмута Розы²¹. Эссер, апеллируя к веберовскому идеалу «науки о действительности», требует от социологии понятийной точности, каузального объяснения и эмпирической верифицируемости, ориентируя дисциплину на запросы государства и управления. А Хартмут Роза с его концепцией резонанса и отчуждения в эпоху ускорения возрождает пафос кризисного сознания Адорно. Социология должна не измерять ресурсы, а диагностировать качество жизни, фиксировать патологии «безмолвия мира» и сохранять нормативный потенциал критики. Однако,

¹⁹ Цит. наст. изд. С. 201.

²⁰ Цит. наст. изд. С. 214.

²¹ Катаев Д. Новая критическая теория или аналитический эмпиризм? // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 3. С. 426–449.

как и Адорно, Роза сталкивается с упреками в спекулятивности, недостатке эмпирической базы и «нормативном монизме» – претензии на универсальный мета-критерий успешной жизни, игнорирующий власть, господство и капиталистические производственные отношения. Критики (М. Хартман, К. Кирхгоф, М. Брумлик) указывают, что его «социология отношения к миру» рискует остаться благонамеренной феноменологией, не затрагивающей структур неравенства.

Сам методологический спор, развернувшийся вокруг учреждения «Академии социологии» в Мангейме (2017), воспроизводит старую позитивистскую антиномию: количественное измерение vs. качественное понимание, каузальное объяснение vs. герменевтическая интерпретация. За этими эпистемологическими расхождениями вновь проступает фундаментальный вопрос о том, чем должна быть социология – инструментом стабилизации существующего порядка или инстанцией его имманентной критики. Тем самым книга Вагнера оказывается не столько исторической реконструкцией, сколько концептуальной матрицей для понимания актуальных теоретических битв в немецкой (и не только) социологии. Главная ценность этой работы заключается в демонстрации того, что спор Гелена и Адорно не закончен, а лишь сменил декорации: вместо послевоенной Германии с ее незавершенным преодолением прошлого – глобализированный поздний модерн с его ускорением и новыми формами отчуждения, вместо радио-и теледебатов – страницы специализированных журналов и институциональные конфликты. Антагонизм «стабилизации» и «критики» остается двигателем дисциплинарной рефлексии.

Однако методологический спор – лишь одна из линий реактуализации дихотомии «Гелен vs. Адорно». Вторая, не менее значимая, касается самой проблемы преодоления национал-социалистического прошлого. Вагнер убедительно показывает, что послевоенная немецкая социология раскололась именно по линии отношения к этому прошлому: стабилизационное сознание (Гелен, Шельски) стремилось к функциональному забвению, институциональной преемственности и «подведению черты», тогда как кризисное сознание (Адорно, Хоркхаймер) требовало неустанной рефлексии, памяти о жертвах и негативной диалектики как единственной формы моральной аутентичности. Раскол, описанный Вагнером на материале 1950-1960-х годов, спустя полвека не только не утратил остроты, но и обрел новое измерение в объединенной Германии.

Сегодня эта дискуссия реактуализировалась в форме «двойного преодоления прошлого» (*doppelte Vergangenheitsbewältigung*). Как отмечает Е. А. Дармина²², после 1990 года к осмыслению нацистского периода добавилась необходимость переработки наследия диктатуры СЕПГ в ГДР. При этом обе «проработки прошлого» находятся в сложном, подчас конкурентном отношении. Западные немцы (весси) по-прежнему делают акцент на холокосте и коллективной вине, тогда как восточные немцы (осси) часто воспринимают режим СЕПГ как более близкую и лично затронувшую их травму. Возникает асимметрия памяти, которую Федеральный фонд переоценки диктатуры СЕПГ называет «асимметрией работы над прошлым». Эта конфигурация напрямую воспроизводит старую дилемму Вагнера: возможен ли синтез между требованием стабильности (интеграция бывших граждан ГДР, «остальгия») и императивом критики (разоблачение структур Штази, осуждение коммунистической диктатуры)?

Более того, сама «ментальность подведения черты», которую Адорно диагностировал уже в 1949 году и которую Вагнер анализирует на материале эпохи Аденауэра, вновь дает о себе знать. В 1990-2000-е годы разгорелись ожесточенные споры о том, следует ли «подвести черту» и под историей ГДР, а в последние годы – и под дискуссиями о национал-социализме. Публичные выступления Мартина Вальзера (1998) и дебаты вокруг «нормализации» немец-

²² Дармина Е. А. Проблема «преодоления прошлого» в немецком научном дискурсе // Концепт: философия, религия, культура. 2023. Т. 7. № 2. С. 36–49.

кой памяти показывают, что желание «выйти из тени прошлого» не утратило остроты. Одновременно праворадикальные силы, включая партию АдГ, активно используют риторику «подведения черты», требуя прекратить «культ вины» и переключиться на «страдания немецкого народа» (бомбардировки, изгнания). Это прямое продолжение той стратегии «релятивизации» и «перекодировки прошлого», которую Вагнер зафиксировал в ранней ФРГ.

На языковом уровне эти процессы отслеживает политолингвистика. Конрад Элих вводит понятие «идеологическое амальгамирование» – не только в нацистском дискурсе, но и в его современных трансформациях. Он предупреждает: «трансформации национал-социалистических идеологических амальгам в современном обществе идут полным ходом»²³. К этому добавляется и проблема «деисторизации» прошлого, когда исторические события вырываются из контекста и становятся инструментом текущей политики.

Таким образом, книга Вагнера оказывается не только историей «великой эпохи социологии», но и ключом к пониманию современности. Описанные антиномии – стабилизация vs. критика, институциональное замалчивание vs. просветительская рефлексия – продолжают определять поле битвы за немецкую идентичность. Методологический спор Эссера и Розы, споры о «двойном преодолении прошлого» и «подведении черты» – симптомы незавершенности проекта, который Вагнер назвал «великой эпохой». Именно поэтому его работа сохраняет не только историческую и теоретическую, но и политическую актуальность в приключениях уже позднего модерна.

Дмитрий Катаев, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

²³ Ehlich K. Über den Faschismus Sprechen – Analyse und Diskurs//K. Ehlich (Hg.): Sprache im Faschismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1989. S. 7-34. S. 30.

1. Пролог. Взгляд за железный занавес

У магнитофона

Берлин, столица ГДР, когда-то весной или в первые месяцы лета 1965 года. У магнитофона сидят двое. Один из них – Вольфганг Харих, редактор издательства Академии наук, ему слегка за сорок. Другой – Манфред Векверт, моложе на восемь лет, главный режиссер «Берлинер ансамбля», театра на улице Шиффбауэрдамм, основанного писателем Бертольтом Брехтом, к этому времени уже девять лет как покойным. Харих на свободе всего несколько месяцев. В 1950-е годы он, убежденный коммунист, возглавляя группу заговорщиков, разработал дерзкий план, как преодолеть разделение Германии, и намеревался свергнуть правительство Ульбрихта, препятствующее его реализации. Вскоре участников заговора раскрыли, и Хариха приговорили к десятилетнему заключению, которое будущий редактор отбывал в печально известной тюрьме «Баутцен»²⁴. С тех пор как строительство Берлинской стены закрепило разрыв между Востоком и Западом, минуло четыре года, но в ГДР по-прежнему сохранялся интерес к духовной жизни, протекавшей по другую сторону железного занавеса. В том числе и в театре на Шиффбауэрдамм, которым теперь руководила вдова Брехта Хелена Вайгель.

По крайней мере, передача на тему «Социология – наука о человеке?», которая транслировалась 3 февраля 1965 года на радио Südwestfunk и вышла в повторе 21 марта 1965-го на NDR, вызвала большой интерес, и Векверт велел ее записать. Но, вероятнее всего, ажиотаж был связан не столько с темой, сколько с известными противниками, приглашенными на дискуссию в студию: Теодор В. Адорно, речистый влиятельный левый интеллектуал, выступил против Арнольда Гелена, одного из самых незаурядных представителей правого консерватизма. Поначалу напряжение, кроющееся в такой расстановке сил, едва ощущалось, поскольку участники дискуссии, как в какой-то момент заметил Гелен, «в главных посылах были едины»¹. Человек в современном мире – в этом диагнозы, поставленные обществом диспутантами, почти совпадали – создал институты, которые совершают над ним насилие, и на их внутреннюю динамику он в попытках направить ее или управлять ей едва ли мог повлиять. Но в одной позиции ученых четко различались. Если Адорно при очевидном бессилии акторов всё-таки подходил к критическим позициям к изменчивости состояния «управляемого» мира, описанного социологом Максом Вебером полвека тому назад как «клетка зависимости» (das Gehäuse der Hörigkeit), то Гелен считал усилия оппонента безнадежными и к тому же крайне опасными². Всё потому, что институты, в которые встроены люди, он рассматривал как необходимые для выживания. Они освободили животное, не определяемое инстинктами, – таким он видел человека – дали ему необходимую опору и защитили его как от агрессии сородичей, так и от непостоянства собственной натуры. Лишь так, на взгляд Гелена, были созданы условия, чтобы направить огромный творческий потенциал, присущий людям в отличие от животного мира, на социально приемлемый и необходимый для дальнейшего существования вида путь развития.

²⁴ С 1956 по 1989 год в Баутцене находилась главная политическая тюрьма Министерства государственной безопасности ГДР (Штази). – Здесь и далее астерисками обозначены примечания переводчика, а цифрами – затекстовые примечания автора.

С позиций безопасности

В отличие от Адорно, Гелен видел в отчуждении человека, которое вызвано и обусловлено созданным им искусственным миром, в первую очередь не зло, а условие существования подлинной свободы. Вместо того чтобы дальше расшатывать доверие к институтам, и без того потерпевшим тяжелый урон от существенной критики в первой половине XX века, следовало сохранить то, что в них еще оставалось невредимым³. В конце почти часовой передачи Гелен заметил, что склонен «согласиться с важной ролью безопасности»⁴. Здесь дискуссия получила новый импульс. В позиции Гелена Адорно, понимая его расположение духа, углядел «основу глубокого отчаяния», подталкивающего ученого «теоретически идентифицировать себя именно с той властью», которую он «сам, как и все мы», боится⁵. Вместо этого Адорно хотел бы поспособствовать освобождению людей от принуждения, которое они не могут постичь: «Единственное мое желание – мир, устроенный так, что люди не его излишние приатки и – ради бога – что вещи существуют ради людей, а не люди ради вещей, которые к тому же ими и созданы»⁶. Можно было бы сказать: «Точно подмечено», однако Гелена это признание не тронуло. «Вы вправду верите, – изрек он, – что тяготы, связанные с сущностными проблемами, издержками рефлексии, заблуждениями, которые мы совершаем, пытаюсь обрести самостоятельность, и которые имеют серьезные последствия, под силу всем перенести?» Адорно принял вызов:

На это я могу лишь просто ответить: да! У меня есть представления об объективном счастье и объективном отчаянии, и могу сказать, что до тех пор, пока, освободив людей, от них не требуют полной ответственности и самоопределения, их благополучие и счастье в этом мире будет лишь иллюзией. Иллюзией, которая однажды рухнет. И ее крушение приведет к ужасным последствиям.

Гелен ответил:

Здесь мы подошли к той точке, где вы говорите «да», а я «нет», или наоборот, где я бы заметил: всё, что известно и написано о человеке с давних пор до сегодняшнего времени, указывает на то, что ваша точка зрения из разряда антропологически-утопических, хоть она и обширна, даже грандиозна... ?

Но, по мнению Гелена, она таит в себе и опасность, поскольку Адорно склоняется к тому, чтобы «человек не довольствовался тем малым, что у него при всей катастрофичности положения еще осталось»⁸. Гелен сам, как с тяжелым вздохом обратился он к собеседнику, ищет в действительности лишь одно: «честное дело, которому можно служить»⁹.

Заигрывания марксизма

Кто же вышел победителем из этого диспута? Чьи аргументы были убедительнее, позиция – более понятна, ораторский талант – значительнее? Для обоих слушателей из ГДР ответ не вызывал сомнений. Они были убежденными марксистами. Один ощущал себя причастным к идее активно действующего, вмешивающегося в политику эпического театра. Другой во время тюремного заключения решил отныне защищать от всех возражений первый опыт построения социализма на немецкой земле. В последние месяцы войны Харих ушел в подполье и присоединился к коммунистической группе Сопротивления. С этого времени он причислял себя по

меньшей мере к таким же убежденным антифашистам, как Адорно, вернувшийся из американской эмиграции в родной Франкфурт-на-Майне. Что касается диспута, оба – как Векверт, так и Харих – всё же были на стороне не Адорно, а его противника, с которым Хариха, невзирая на границы между оккупационными зонами и существенные различия в мировоззрении, с конца 1940-х связывала дружеская переписка. О Гелене он предположительно узнал в 1941–1942 годах. Гимназист, в то время увлекавшийся философией, прогуливал школу, чтобы посещать лекции Николая Гартмана в Берлинском университете¹⁰. Интенсивно философской антропологией он сам занялся в ходе работы над диссертацией о «Гердере и гражданской гуманитарной науке» («Herder und die bürgerliche Geisteswissenschaft»), завершённой в 1951 году. К этому времени Хариху же «год находился на должности редактора издательства Aufbau-Verlag, отвечал за издание классических произведений и философии»¹¹. Работа позволяла ему поддерживать контакт с такими опытными интеллектуалами, как Эрнст Блох и Дьёрдь Лукач, которые по-разному были связаны с делом революционного марксизма и рабочего движения¹². Гелен воплощал собой полную противоположность. Его интересовало только сохранение буржуазного государственного устройства. При фашизме он принадлежал к заклятым врагам Хариха и его товарищей. Молодой коммунист знал об этом. Однако Харих был убежден, что Гелен как человек выдающегося ума в конце концов признает превосходство марксистского подхода. Он надеялся, что сможет убедить классового врага принять научно обоснованный социализм. «Если Гелен изучит марксизм и отнесется к нему с той же искренней пытливостью, как и к другим своим источникам, – записал Харих в 1952 году при чтении работы Гелена „Социально-психологические проблемы в индустриальном обществе“ („Sozialpsychologische Probleme in der industriellen Gesellschaft“), – [он] неизбежно примкнет к коммунистической партии или левому крылу социал-демократов. (Что, впрочем, было бы огромным приобретением для рабочего движения!)»¹³ Когда Гелен 16 марта того же года сообщил, что его интересы теперь развиваются больше в позитивистском, нежели в философском направлении, Харих через шесть дней ответил:

Превосходно! Ваше признание любой марксист сочтет за высшую честь. Двигаясь в этом направлении, Вы уже почти с нами, и не будь это Вы, я бы не стал Вас так настойчиво обхаживать, ведь при десяти лекционных часах в неделю это стоит мне многих сил¹⁴.

Чтобы подкрепить желаемое интеллектуальное и политическое развитие Гелена, он послал ему книги Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Лукача и Блоха¹⁵. Доступ к такой литературе в ФРГ ранней эпохи Аденауэра был затруднен. В стремлении Хариха склонить Гелена на сторону марксизма скрывалась немалая доля юношеской мании величия. Пройдет больше десяти лет, но он в попытках изменить политические взгляды Гелена не продвинется ни на шаг и, вероятно, признает, что из того, пожалуй, марксиста не сделаешь. Тем не менее личным отношениям ученых это, по-видимому, никак не повредило. Так, 23 июля 1965 года Харих после радиопередачи написал Гелену в Ахен о мнении, которого они с Веквертом придерживаются: «В диспуте с Адорно Вы правы»¹⁶. Они соглашались с тезисом Гелена, что поведение человека следует направлять с помощью стабильных институтов, не позволяя ему сбиться с верного пути, и категорически отвергали призыв Адорно к освобождению индивидов от институциональности. Конечно, их согласие было лишь самого общего свойства. Ведь в конкретном историческом случае определенные институты – Харих ссылаясь на роль капиталистической частной собственности – сами были «фактором хаотизации и неопределенности». То, что собственность господ Круппа и Флика к кризисным явлениям прошедшего периода, как продолжал Харих, «не так уж непричастна, едва ли вызывает сомнения».

Ряд вопросов

В действительности Хариху не понравилось в выступлении Гелена на радио лишь одно: «иногда он мирился с тем», что его собеседник «не давал ему и слова сказать». Гелен не воспользовался возможностью привести цитаты из своих книг, «которые могли бы стать убедительным ответом на аргументы Адорно». Харих резюмировал: «Мы бы предпочли услышать Ваш доклад об Адорно».

Всё это вызывает целый ряд вопросов. Почему Харих, восходящая звезда философии в ГДР 1950-х годов, выступал именно на стороне Гелена? По ключевым аспектам у него, знатока теории Маркса и убежденного поборника общества, свободного от капитализма, было гораздо больше общего с Адорно, нежели с защитником авторитарных институтов, «великим мыслителем консерваторов», как в полном восхищении охарактеризовал Гелена один из главных идейных первопроходцев сегодняшних «новых правых» Армии Молер. И что подтолкнуло ведущего представителя критической теории к тому, чтобы во всё более открытые для реформ 1960-е годы провести с Геленом, «любопытнейшим противником демократии» в Германии, как охарактеризовал его Рудольф Аугштайн, серию радио- и телебесед, сопровождая их растянувшейся на несколько лет перепиской? В отличие от Адорно, который чувствовал себя связанным с духом Просвещения и собирался преодолеть традиционные отношения господства, его противник выступал в конечном счете за то, чтобы по возможности защитить репрессивные инстанции от существенной критики. Для ответа на поставленные вопросы следует внимательно изучить особенности сложившейся ситуации в политической, социальной и культурной сферах в постгитлеровской Германии, вскоре разделенной на два государства. Высокие должности в частном секторе экономики занимали бывшие нацисты. Большое количество прежних приверженцев нацизма работало в ведомствах и министерствах, полиции, судах, земельных парламентах и бундестаге¹⁷. Федеративная республика в том виде, в каком она сложилась после Второй мировой войны, – современное общество с цветущей экономикой и системой управления – в значительной мере шла по пути прогрессивного развития под руководством тех, кто еще несколько лет тому назад представлял, как с тысячелетним рейхом будет шагать в числе победителей. Преодолевая значительные моральные колики, журналист Вилли Винклер писал: «Настоящая перезагрузка в федеративной республике произошла именно при участии старых нацистов»¹⁸. Схожим образом это проявилось и в науках, в том числе в социологии, которую долгое время ее сторонники и противники считали дисциплиной с левым уклоном. Общение Адорно и Гелена, порой принимавшее форму дружеских встреч, началось в период, когда жертвы нацистского режима и те, кто в той или иной степени был с ним связан, с одной стороны, критически относились друг к другу, с другой стороны, по вполне практическим соображениям искали способы наладить отношения в профессиональной сфере. К тому же, когда федеральное правительство в Бонне взяло курс на западную интеграцию²⁵, возрожденный враждебный образ «коммунизма» стал основой для совершенно новых союзов между преступниками и жертвами. По сути, ситуация в социологии не сильно отличалась от происходящего в органах власти, СМИ и остальных научных отраслях в университетской среде. В послевоенное время эта поддерживаемая западными союзниками научная дисциплина считалась полезной для восстановления страны, и социология собиралась занять место нового – после теологии, философии и исторической науки – ведущего медиа для рефлексии общества. Здесь любопытна одна деталь: умению размышлять о себе посредством социологии западно-германское общество научилось не только у либерально настроенных демократов, но так же

²⁵ Внешнеполитический курс Конрада Аденауэра на западноевропейскую интеграцию ФРГ, целями которого были возвращение на мировую арену, восстановление суверенитета и обеспечение гарантий внешней безопасности.

и у ученых, за несколько лет до этого принадлежавших, а то и охотно себя причислявших к интеллектуальной элите национал-социалистической Германии. Таким образом, эти социологи участвовали в модернизационном процессе, который в сильно упрощенном взгляде на послевоенную историю сводится прежде всего к деятельности Франкфуртской школы, а именно – в образовании интеллектуального фундамента ФРГ. В политическом отношении Адорно и Гелен, которых причисляли к ведущим социологам 1960-х годов, с юности были весьма далеки друг от друга. Оба происходили из образованных буржуазных семей, выросли в одно время при схожих условиях, детьми пережили кайзеровскую Германию и Первую мировую войну, а в молодости – закат Веймарской республики, сотрясаемой кризисами с самого ее основания. Оба после войны публиковали книги, которые при их жизни читали далеко не только узкие специалисты, и видели в искусстве среду (Medium), позволяющую выявить общественные изменения с помощью социологии. Однако тридцатью годами ранее, когда при одобрении консервативно настроенной и разделяющей крайние националистические взгляды университетской среды правое движение собиралось покончить с парламентской республикой, они с твердым убеждением стояли по разные стороны баррикад.

2. Университетский дух на правых позициях

Пир во время чумы

На площади перед Рёмером, старинной ратушей Франкфурта, сложили костер. Коричнево- и чернорубашечники сдерживали собравшуюся толпу. Из узких улочек стекались факельщики. В толпе смешались партийные униформы и фуражки, яркие ленты и верхушки головных уборов студенческих корпораций. «Факелы,— вспоминал Пауль Тиллих тот мокрый после дождя вечер 10 мая 1933 года,— мерцали в темноте, озаряя фантастическим светом фронтоны домов»¹. Профессор философии и социологии наблюдал за зловещими декорациями из окна Рёмера. «В конце по площади, трясясь, проехала повозка, которую тянула пара волов; на нее были погружены книги, выбранные в качестве жертв»². Обступив повозку со всех сторон, шли студенты в белых фартуках забойщиков, позади шагал университетский капеллан. Шествие сопровождалось звуками траурного марша в исполнении небольшого оркестра. Гротескная процессия направлялась к костру между фонтаном Правосудия и церковью святого Николая³. «Когда повозка подъехала к костру, капеллан забрался на нее и произнес обличительную речь. Он бросил первую книгу в разгорающийся костер. Сотни других книг последовали за ней»⁴. Два дня спустя во *Frankfurter Nachrichten* появились такие строки об этом действе: «Университетская молодежь соорудила костер и сожгла марксистскую и ненемецкую литературу»⁵. Вот уже несколько лет разногласия в университете неоднократно разрешались кулаками. Когда в результате выборов в рейхстаг 14 сентября 1930 года НСДАП стала второй по величине парламентской фракцией, сотни «штурмовиков» в форменной одежде запели у главного университетского входа Песню Хорста Весселя⁶. Университетский дух в то время стоял по большей части не на левых, а на правых позициях. Разве что Франкфуртский университет был в Германии в числе немногих, «где нацисты потерпели поражение»⁷. В одной из своих речей декан философского факультета Тиллих встал на сторону студентов-евреев и представителей левого движения, которые в июле 1932 года подверглись нападению со стороны штурмовых отрядов и сокурсников-фашистов⁸. Несколько месяцев до выбора Адольфа Гитлера рейхсканцлером были настоящим пиром во время чумы: еще в феврале 1932 года Тиллих и его жена Ханна пригласили гостей на карнавальную вечеринку в их квартиру во франкфуртском районе Нидеррад⁹. Ассистент Тиллиха Харальд Пёльхау²⁷ явился в форме полицейского. Курт Рицлер, доверенный рейхсканцлера Теобальда фон Бетман-Гольвега в Первую мировую войну, надел коричневую рубашку штурмовика. Остроумная насмешка над грубой властью. Присутствовал и Адорно: он появился в костюме Наполеона Бонапарта. В прошлом году под руководством Пауля Тиллиха молодой философ защитил диссертацию «Кьеркегор. Конструкция эстетического» и вместе с ним проводил семинары по философии истории Гегеля, «Воспитанию человеческого рода» Лессинга и «Основным проблемам философии» Георга Зиммеля¹⁰. 14 апреля 1933 года Тиллих был освобожден от должности на основании изданного за неделю до этого закона о восстановлении профессионального чиновничества²⁸. В октябре

²⁶ Гимн НСДАП в 1930–1945 годах, марш СА.

²⁷ Тюремный священник, участник движения Сопротивления.

²⁸ 7 апреля 1933 года был опубликован закон о восстановлении профессионального чиновничества, согласно которому с государственной службы увольнялись негодные нацистам чиновники: демократы, либералы и, прежде всего, евреи; на смену им пришли сторонники НСДАП.

с женой и дочерью он эмигрировал в США. Двумя месяцами ранее они вновь встретились с четой Адорно в курортном местечке Бинц на берегу Балтийского моря¹¹.

На стороне национал-социализма

8 сентября 1933 года приват-доцента Адорно, которого согласно принятым через два года расовым законам²⁹ могли бы заклеить как «полуеврея», так же лишили права на преподавание¹². Как Тиллих и многие другие затронутые репрессивными мерами университетские преподаватели, он, недооценивая серьезность положения, поначалу боялся эмиграции и пытался как-то приспособиться к стремительно ухудшающейся ситуации, чтобы остаться в Германии. В *Amtliches Mitteilungsblatt der Reichsjugendführung*, пропагандистском издании гитлерюгенда, он опубликовал исключительно благоприятную рецензию о выполненном Гербертом Мюнцелем переложении на музыку стихов, написанных лидером гитлерюгенда Бальдуром фон Ширахом. По замечанию Адорно, это был выдающийся труд «не только потому, что благодаря выбору стихов Шираха отличается осознанным национал-социалистическим характером, но и благодаря своему качеству – необычайной творческой воле. И дело не в патриотическом настроении и смутном восторге – через композицию всерьез ставится сам вопрос о возможности создания новой народной музыки»¹³.

По словам Адорно, это переложение «соответствует образу нового романтизма, возможно, того вида, который Геббельс определил как „романтический реализм“»¹⁴. Через много лет студенческий журнал *Der Diskus* раскритиковал мыслителя за публикацию, и Адорно выразил сожаление о написанном. «Истинная ошибка, – писал он в 1963 году, – заключалась в моей неверной оценке ситуации; если хотите, в глупости того, кому неимоверно тяжело далось решение эмигрировать»¹⁵. На место Тиллиха быстро нашелся кандидат: по указу от 6 мая прусского министра науки, воспитания и образования Бернхарда Пруста заместителем на летний семестр был назначен молодой ученый из Лейпцига, ярый сторонник националистических взглядов по имени Арнольд Гелен¹⁶. Высокоодаренный и чрезвычайно тщеславный преподаватель философии вырос в лейпцигской буржуазной семье, к которой принадлежал целый ряд ученых и высокопоставленных госслужащих. Его рано скончавшийся отец, доктор Макс Гелен, был уважаемым книготорговцем и издателем, на чьих полках находились как военные учебные пособия и юридические тексты, так и националистические труды¹⁷. Незадолго до выборов в рейхстаг, прошедших 5 марта 1933 года, Гелен занял политически однозначную и выгодную для карьеры позицию. Он подписал «Заявление немецкой интеллигенции о поддержке Адольфа Гитлера»³⁰ и 1 мая, так же как Мартин Хайдеггер и Карл Шмитт, вступил в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию (НСДАП). Гелен получил членский номер 2432245 и платил «ежемесячный членский взнос в размере пяти рейхсмарок»¹⁸. Он стал членом Национал-социалистического союза учителей (NSLB), и рейхсминистр воспитания назначил его на два семестра «руководителем» Национал-социалистического союза преподавателей университетов (NSDoB)³¹ в Лейпциге. В этой должности он был «вторым человеком после

²⁹ Речь о Нюрнбергских расовых законах, принятых 15 сентября 1935 года. Они включали закон о гражданстве рейха и закон о защите немецкой крови и немецкой чести, официально провозглашали евреев людьми второго сорта, а так же распространялись на чернокожее и цыганское население страны, заложив основу для дискриминации «неарийских» народов.

³⁰ «Заявление профессоров немецких университетов и вузов о поддержке Адольфа Гитлера и национал-социалистического государства» («Bekanntnis der Professoren an den Universitäten und Hochschulen zu Adolf Hitler und dem nationalsozialistischen Staat») – документ, который 11 ноября 1933 года подписали около тысячи ученых и преподавателей.

³¹ Так же Доцентенбунд; находился под наблюдением и руководством НСДАП и способствовал распространению в университетской среде нацистской идеологии.

ректора (теперь „фюрера“³²)» в университетской иерархии¹⁹ и по поручению партии должен был заниматься приглашением и назначением на должности по национал-социалистическим воззрениям²⁰. С 1933 по 1935 год Гелен был «руководителем ячейки» на партийной основе в лейпцигском местном подразделении Бёлиц-Эренберг. После короткого периода во Франкфурте он вновь возвращается в Лейпциг, становится ассистентом социолога и руководителя Института истории культуры и всеобщей истории Ханса Фрайера, а в 1934 году – сначала в качестве заместителя, а затем в должности ординарного профессора – заступает на кафедру своего научного руководителя Ханса Дриша, который из-за пацифистских взглядов и еврейского происхождения вынужден покинуть университет²¹. В 1935 году Гелен вступил в Германский союз противовоздушной обороны (RLB) и в «Национал-социалистическую народную благотворительность» (NSV)³³. В 1936 году преподавал в Академии Национал-социалистического союза университетских преподавателей и платил ежемесячный членский взнос в размере одной рейхсмарки и двадцати рейхспфеннигов²². Кроме того, он занимал должность «редактора Имперской службы поддержки немецкой письменности при уполномоченном фюрера по духовному и идеологическому воспитанию»³⁴ ²³. А значит, писал рецензии для небезызвестного, отвечающего за идеологические вопросы «ведомства Розенберга»³⁵ ²⁴. В конце 1938 года Гелен отправился в Кёнигсберг, чтобы принять так называемую кафедру Канта. В январе 1940 года ученый был приглашен в «очищенный» от противников национал-социализма Венский университет, где так же взял на себя руководство Институтом психологии. По-видимому, Имперское министерство воспитания поручило ему вместе с его лейпцигским покровителем Гюнтером Ипсеном реорганизовать философский факультет Венского университета, «потому что здесь, используя междисциплинарный подход в гуманитарных науках, следовало разработать перспективы немецкой экспансии в Юго-Восточной Европе в сфере культурной, экономической и демографической политики». Но поскольку Ипсена и Гелена призвали на службу военными психологами, планам не суждено было реализоваться²⁵. С октября 1941 по май 1942 года Гелен в должности советника военной администрации писал экспертные заключения для психотехнического испытательного пункта войск в Праге – учреждения, призванного с помощью прогрессивных научных методов поддерживать у населения желание воевать²⁶. Затем его вновь перевели в Вену, где появился центр военной психологии²⁷.

Совершенная правда Гитлера

Гелен был намерен выполнить для фашистского государства подготовительную работу, придумав легитимирующие формулировки и общие установки. Первое издание его главного антропологического труда «Человек. Его природа и положение в мире» в 1940 году и дальнейшие многочисленные редакции содержали пассажи, в которых он следовал идеологической линии Альфреда Розенберга (1893–1946). Он использовал понятие *Zuchtbild* (*букв.* «образец

³² В некоторых университетах ректор объявлялся «фюрером высшей школы» – *Führer der Hochschule*, тем самым на науку переносился принцип «фюрерства» (*das Führerprinzip*) и знаменовалась утрата университетами свобод (университеты лишались права выбора ректора, а «фюрер высшей школы» подчинялся непосредственно имперскому министру образования).

³³ «Национал-социалистическая народная благотворительность» (*Nationalsozialistische Volkswohlfahrt*; NSV) – организация, оказывавшая финансовую и другую помощь членам нацистской партии и их семьям.

³⁴ Полное название: уполномоченный фюрера по контролю за общим духовным и мировоззренческим воспитанием НСДАП.

³⁵ Розенберг был уполномоченным фюрера по контролю за общей духовной и идеологической подготовкой и воспитанием членов НСДАП. В состав его ведомства входил отдел искусства, который заведовал изданием ведущих журналов в этой области и попечением письменности под эгидой Имперской службы поддержки немецкой письменности. Данная служба рецензировала почти всю книжную продукцию нацистской Германии и определяла ее соответствие национал-социалистическим взглядам.

воспитания/ селекции», «представление о воспитании»), и речь шла как о «внедрении германских свойств характера»²⁸, так и о «высших системах управления». И хотя заявленная им в 1935 году «философия национал-социализма» осталась неопубликованной²⁹, там, где представлялась возможность, Гелен ясно давал понять, что согласен с новой политической системой. В изданных до Второй мировой войны текстах ученый не раз прибегал к принятым тогда среди партайгеноссе формулировкам. «Лишь внутри одной расы,— писал он в 1934 году в *Zeitschrift für Deutsche Kulturphilosophie*,— существует общность витальных ценностей, лишь в одном народе — общность политических ценностей и свойств характера»³⁰. В свою очередь в *Völkischer Beobachter* Гелен критикует Гегеля, так как тот «не постиг изначальную действительность фёлькише»³¹. Не упускает он и возможности сделать недвусмысленные реверансы в сторону фюрера и рейхсканцлера Адольфа Гитлера. В ежемесячнике *Völkische Kultur* Гелен цитирует высказывание Гитлера о том, что абсолютный идеализм инстинктивно совпадает с самым глубоким познанием. «Эти слова,— замечает Гелен,— совершенная правда»³². В отличие от Ханса Фрайера или их общего ученика Хельмута Шельски его не привлекала романтика походов и костров молодежного движения. По натуре он был индивидуалистом, держался особняком и надменно, даже со старой профессурой, с которой соприкасался в Лейпциге. Современники свидетельствовали о его щегольском виде в тот период³³, так что даже среди студентов ходил слух, будто Гелен носит только шелковое нижнее белье, которое специально заказывает из Парижа³⁴.

Что касается назначения в Лейпциг, Гелен не был идеальным кандидатом для дрезденского министерства науки, воспитания и образования. Нацистским политикам он казался слишком буржуазным. Партийные идеологи, такие как педагог Эрнст Крик, упрекали Гелена в том, что в его антропологии отсутствует расовое обоснование. Для философа Герхарда Лемана теория действия Гелена была недостаточно ориентирована на Volksgemeinschaft, «народное сообщество»³⁵. В итоге ученый получил назначение лишь потому, что философский факультет хотел видеть в этой должности только его³⁶. В отсутствие шумихи Гелен смог без помех продолжить образцовую карьеру при фашистском режиме. При всём глубоком уважении, которое Гелен питал к добродетели беспрекословного повиновения, солдатом он стал скорее из чувства долга, нежели по склонности. Когда его перевели на должность психолога вермахта, он постоянно просил освобождения от этой службы и требовал книг для продолжения научной работы³⁷. По-видимому, ситуация изменилась, лишь когда стало ясно, что Германия войну проиграет. Теперь Гелен не только внешне выказывал политическую лояльность и преданность власти, но и был готов погибнуть в солдатском строю вместе с Третьим рейхом. Его позицию в то время отражают два характерных эпизода.

На фронте О первом стало известно от его будущего коллеги, социолога Дитера Клэссенса. В начале 1960-х после доклада, который Гелен читал по приглашению Мюнстерского университета, они вместе с другими коллегами пошли в пивную. Там Гелен рассказал, как после русской атаки он с несколькими товарищами вынужден был скрываться в небольшом лесу близ тогдашней немецкой границы в Силезии. Один фельдфебель предложил улизнуть, мол, война и без того уже проиграна. Гелен навел на него пистолет и пригрозил: «Только сделайте шаг, и я пристрелю вас!» Дезертирства не произошло. На вопрос молодого коллеги, действительно ли Гелен выстрелил бы, тот ответил: «Разумеется!»³⁸ Его ответ потряс собеседника, но не Клэссенса, который сам служил в войну офицером. По словам Клэссенса, он и ему подобные ощущали себя в то время олицетворением немецкого государства, одинокими волками, образующими «живую стену формальной лояльности»³⁹.

После войны Гелен продолжал выступать за сильное государство, подчеркивал необходимость иерархического общества, придерживался антилиберальных и авторитарных позиций.

Это хорошо сочеталось как со старым режимом, так и с его новой сферой деятельности в Высшей школе управления³⁶ в Шпайере, учрежденной французской военной администрацией по образцу Парижской национальной школы³⁷. Туда в 1947 году имперский профессор, после войны отстраненный от государственной службы в Австрии и классифицированный оккупационными властями как «попутчик», был приглашен на кафедру социологии, организованную на территории западных оккупационных зон. Первые годы были трудными. Письма могли идти до адресатов по десять дней. Его первый визит к президенту Высшей школы управления не состоялся, потому что Гелен не получил пропуск для перехода из американской во французскую зону. Кроме того, найти жилье было чрезвычайно трудно⁴⁰. В том же году, размышляя о себе как об университетском преподавателе, он писал:

На занятиях для госслужащих я бы всегда подчеркивал две главные истины. Самая глубокая человеческая потребность – потребность в продолжительности и безопасности, основная потребность всех порядков, вообще культуры, религии, в которых живет человек. Но в человеке находятся и угрозы для его порядков: инстинктивное влечение к сверхнапряжению, превышению, к своему равному угнетению будущего развития и почти невероятная пластичность, склонность поддаваться соблазну и подкупности⁴¹.

Приехав в Шпайер, Гелен попал в университетскую провинцию: здесь готовили неученых, а будущих чиновников. Но, по сути, это отвечало его стремлениям к сохранению и укреплению общественного порядка. Социологию он понимал как обращенную к действительности «управленческую вспомогательную научную дисциплину», стоящую на службе у партийных организаций и правительственных учреждений, государственных органов и других институтов⁴²

³⁶ Сейчас называется Deutsche Universität für Verwaltungswissenschaften Speyer – Немецкий университет административных наук в Шпайере.

³⁷ Национальная школа администрации (*франц.* École nationale d'administration) – центр послевузовской подготовки руководящих кадров для государственной службы во Франции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.